

А.Х. ГИРФАНОВА, Н.Л. СУХАЧЕВ

(Санкт Петербург)

**Заметки по балканской топонимии
тюркского происхождения
(Балчик, Град Крачуна, Тунгужей)**

Состояние современной балканской тюркологии в целом обобщено Э. Трыярским в обзоре, опубликованном в фундаментальном компе-
ндиуме по тюркологии, подготовленном под редакцией Г. Х а з а и [Tryja-
ski 1990: 414–453]. Мы в большей мере используем собственно балкани-
стические труды славистов, романистов, албанистов, в которых изуче-
ние тюркского языкового элемента, естественно, подчинено специальным
задачам, играет второстепенную роль.

Этимология опирается на выверенные поколениями исследователей
системы фонетических соответствий, представляющих позитивные резу-
льтаты сравнительно-исторического изучения языков, и, казалось бы,
относится к точным лингвистическим дисциплинам. Тем не менее, в эти-
мологическом словаре любого языка (не говоря о сравнительных слова-
рях группы языков) можно встретить и гипотетические реконструкции
и ошибочные сближения формально и семантически сложных слов. Оно-
мастическая лексика как наиболее подверженная фонетическим искаже-
ниям, контаминациям с лексикой родного языка и переосмыслению по
законам народной этимологии создает дополнительные трудности для
установления ее источников.

При общей неопределенности тюркоязычных балканских ареалов в
прошлом и значительной их размытости в настоящее время выявле-
ние и систематизация топонимов тюркского происхождения могут ока-

заться бесполезными для ориентации в наслоениях различных языковых традиций, способствовавших переосмыслению тюркских форм в соответствии с изменяющейся языковой ситуацией, а часто и вытеснению тюркизмов из географической номенклатуры Балканского полуострова.

Балчик

О местности Балчик (Baltchik) упоминает Халкондил (Николай Лаоконик) в „Хронике о делах турецких“ (серед. ШВ в.), наряду с городами Варна и Коварна (Kavarna), полученными в удел князем Добротией в результате войны между Кантакузеном и Палеологом [Alexandrescu-Dersca 1958 : 100]. По мнению В. Богри, румынское Balcic — это куманское *balčic* „глина“, „грязь“ [Bogrea 1971 : 310]. С этой формой можно соотнести румынские топонимы типа Bălăceni, Bălăcești, Bălúță, Băluțoiul, где вслед за Ф. Миклошичем И. Иордан склонен усматривать славянский формант *бел(ый)* [Jordan 1963 : 107]. С большей уверенностью сближаются с Балчик названия н.п. Bălțăși (р-н Калафат, обл. Олтения; р-н Яссы) [Там же: 417], Balți (у. Арад), уст. Băltele Там же: 378, гидронимы Baltăcul (р-н Кымпина, обл. Плоешть; р-н Олтецу, Олтения), названия долин Bălțani (р-н Вынжул-Маре, Олтения) и Bălțic (у. Бузэу), оз. Bălțanul (у. Клуж) и Bălțeanca (р-н Хушь, обл. Яссы) и др. [Там же: 53]. Ср. и г. *Бэлць* (Молдова) — в русской передаче *Бельцы*. Встречаются в византийских источниках и топонимы βαλτα (река), βαλτοζ (1300 г.), βελτζιστα (1316 г.) [Дуйчев 1962: 203, 204]. Название г. *Балта* в Подолье (ныне в Одесской обл., Украина) М. Фасмер объясняет из рум. baltă „болото“ (точнее, „плавни“, „заливная пойма реки“), которое связывается с русск. *болото* или алб. *baltë* [Фасмер 1964: Т.I.: 118]. Последнее обычно рассматривается как балканизм субстратного происхождения, хотя албанское слово возводилось и к лат. PALUS и к греч. βαλτός от βαλλω „лить“, и к слав. БЛАТО.

Э. Чабей считает доказательствами исконность алб. *baltë* „грязь“, „ил“, „глина“ с производными *baltuk* „топкое место“, *baltovine* „слякоть на дороге“. С ним соотносится рум. *baltă* „плавни“ с экспрессивными формами *băltoacă*, *băltoágă*, *băltói* „лужа“, „топь“ [Çabej 1976: 51–52]. Пытаясь объяснить метатезу в постулируемом славянском этимоне слова. Н. Ван Вийк допускал произношение *балто* в одном из болгарских говоров. В качестве субстратного — фрако-дакийского — И.И. Руссу возводил слово к и.-е. **bhel* „блестеть, сиять“ — по светлому виду плавней [Russu 1970: 137].

Не оспаривая исконности алб. *baltë*, напомним о существовании тур. (диал.) *butalga*, также *batilga*, *batilka* „тростниковая заросль“, тат. *бүтйҫа* „глина“, „грязь“, которые происходят от страдательной формы *бытыл*

глагола *bat* = (общетюркск. **nam* = „погружаться, тонуть“, по А.М. Шербаку) [Севортян 1978: 78–79]. Формы типа алб. *baltuk*, рум. *băltoágă*, истрорум. *bațè*, арум. *bîltoácă*, *băltác* вполне могут оказаться результатом контаминации приведенных выше славянских и тюркских форм с исконной „субстратной“ основой. Переход значений „тростниковая заросль“ — „болото“ — „плавни“ в румынском легко объясним на фоне таких реалий, как заросшие камышом придунайские плавни, а семантика албанского слова имеет аналогии в татарском. В том же турецком языке, можно обнаружить *balçuk* „тина, глина“ [там же: 56]. Непосредственно к тур. *bataklık* „болотистое место“, „топь“, *batak* „болото“, „трясина“ возводит Ј. Шютц сербохорватские географические термины *bàtlak* м.р., (диал.) *batlāk* „грязь“, „топь“, „болото“ и *batak* „болото“, „топь“, как и болг. *batak* (то же) [Schütz 1957: 51, 63].

Полагаем, что формант *balt-* в апеллятивной балканской лексике и многочисленных румынских топонимах типа *Baltina*, *Băltână*, *Balticul*, *Baltic*, *Bîltáci* [Jordan 1963: 52–53], равно как вариант *palt-* в *Paltina*, *Păltinișul* и т.п. [там же: 85], может быть соотнесен с тур. *bat-/pat-*, рефлексам которого являются *butalga*, *batilga* и др. Однако при этом не следует упускать из виду и славянские формы (*блато*, *болото*), которые, в свою очередь, могут отражать тюркоязычные влияния, хотя такая возможность чаще отрицается.

Град Крачуна

Град Крачуна упоминается в славяно-молдавских летописях под 1482 г. Соответствующая запись в молдаво-немецкой летописи проясняет, что это укрепление на турецкой границе, именуемое здесь *Ketzo* [Грекул 1976: 30, 43, 66, 72]. Крепость Кричим к юго-западу от г. Плодива возникает в связи с деятельностью Генриха Фландрского, подчинившего Латинской империи крестоносцев владения болгарского царя Борила (1208 г.). По мнению В.Н. Златарского, эта крепость находилась недалеко от владений болгарского воеводы Алексея Славы, державшего крепость Пепену (в Родопах) и область Ахридос [Наумов 1979: 198]. Значение немецкого *Ketzo* (*Kette*) „цепь“ позволяет отождествить град Крачуна и крепость Кричим, хотя полной уверенности в этом нет. Во всяком случае, к концу XV в. границы Османской империи проходили уже по Дунаю.

В староукраинских формах сохранилось название города в Молдавском княжестве *Корочень камень*, *Корочин камень*, *Крачунов камень* (1446 и 1470 гг.) [Словник 1977: 500]. В. Богря рассматривает их, наряду с венг. *Karácson-kő*, как кальку с рум. *Piătra lui Stăciun* и отождествляет последний с современным г. Пятра-Нямц (обл. Бакэу, Румыния)

[Bogrea 1971: 172]. Формант — *kö* в венгерском варианте, похоже, отражает часто встречающийся в балканской топонимии тур. *köy* „колодец“, ср. название с. Arnaut *köyü*, южнее г. Визе (Турция) в венгерской передаче Arnótko (1697), Arnót kö (1705 г.) [Kakuk 1973: 42]. В сербохорватском языковом ареале также отмечена местность Крачу́ниште, Kračjunište (1438 г.) [Skok 1972, II: 175]. П. Скок допускает сближение этой формы с известным балканизмом, обозначающим „рождество“: рум., арум. *crăciun* (арум. также „рождественское полено“); мегленорум. *crăiun*, *cărțiun*, болг. *крачу́н* (также „день Св. Федора — 8 июня“), сербо-хорв. *kraciun* (с. XV в.), венг. *karászony*. К ним примыкают русск. *карачу́н*, *корочу́н* „смерть“, „зимний солнцеворот“, укр. (закарп.) *кєрєчу́н* „вечер“, „сочельник“ и *крачу́н*, *грєчу́н* „рождество“, „сочельник“, „хлеб особого рода“, белорус. *корочун* „корчи, судороги“, „преждевременная смерть“, „слой дух, сокращающий жизнь“, словац. (обл.) *kraciun* „коляда“ и др.

Предлагавшиеся этимологии слова исходят из первичности либо романского (румынского), либо славянского узуса: лат. *CRASTINUM* „завтрашний день“ в контаминации с рум. *ajun* „канун (Б.П. Хаждеу); *CREATIONEM* „создание, сотворение“ (О. Денсупяну, Л. Нидерле, А. Филиппиде, А. Росетти); *CHRISTI JEJUNIUM* „христов пост“ (Г. Шухардт); *SALATIONEM* „обращение священника к народу в первый день месяца для возведения праздников“ (Э. Бернекер, С. Пушкариу, Т. Папахаджи); *QUARTUM JEJUNIUM* „большой четвертый пост“ (А. Вайан); *CARACIUM*, восходящее к греч. *χαράκιον* < *χαράσσω* „резать“ (П. Скок); слав. *крачити* „шагать“ от *крак* „шаг“, калькирующее лат. *AD-VENTUS (CHRISTI)* „прибытие“, „приближение“ (А.Н. Веселовский) или связь с сербо-хорв. *крачати* „шагать“, чешск. *kráčetí*, польск. *kroczyć*, т.е. „шагающий переходный день, день солнцеворота“ (А. Брюкнев, М. Фасмер) связь со слав. *короткий* (Ф. Миклошич, Г. Вайганд); связь с названием древнеславянского божества зимы и смерти, восходящим к **krt* при чешск. *křet*, *skřet*, польск. *skrzat*, латышск. *krat* „название домашнего духа“ (С.А. Токарев); заимствование алб. *kërcun* „пень, чурбан“ румынским языком (Э. Чабей); балканизм (без уточнения этимона), но не албанское заимствование (Г. Рольфс); балканизм, восходящий вместе с алб. *kërcun* к и.-е. *(s)*ker-*, *(s)*kor-* „резать“ (А. Десницкая), и др. [См.: Çabej 1961; Rosetti 1986; Десницкая 1976, 1978].

Нам представляется, что с балканским *крачу́н* „рождество“ взаимодействовало несколько разноязычных форм, среди которых славянская лексика играла немаловажную роль, ср.: русск. *корочун* „внезапная смерть“, „злой дух“ и диал. (Влад.) *карачун* „ребенок, который ползает“ (на карачках) [СРНГ 1977, Вып. 13: 75], укр. *крачу́н*, *грєчу́н* „сочель-

ник", но и „хлеб особого рода" [Преображенский 1959, Т. I: 361], сербо-хорв. *koracín, koráca* „рогуля", диал. (чакав.) *kracín* „запор, задвижка" [Skok 1972, II: 175]. Вероятность того, что рум. *crăciún* связано с болг. *крак* „шаг", достаточно высока: к нему восходят рум. *crac* (мн.ч. *cráci*) „нога", „ветвь", „развилка горного кряжа", „подножие горы", *crácă* (мн.ч. *cráci*) „развилка дерева", „ветка" и *crăcănă* (мн.ч. *crăcăne*) „развилка дерева, журавль (колодезный)". И болг. *крака* „развилина", и рум. *crac* „развилка горного кряжа", „подножие горы", могли бы быть в основе соответствующих топонимов. В пределах сербо-хорватских ареалов можно назвать, например, местности Крека, Крка, Кркля, Корча (ср. одноименный город в Албании), Корчула, Kogčanі и др., с которыми можно соотнести не только сербо-хорв. *krák* „нога", *korák* „шаг", но и множество других форм, связанных со слав. **krakъ* (ср. словац. *korak* „развилка, рассоха", польск. *krok* (то же), *karsz* „пень, колода", укр. *корча, корч* „пень и уст. *корочин* „шаг", „мера длины" и пр. [Ср. Фасмер 1967, II: 336–337]). В условиях горных ландшафтов Балканского полуострова значения „развилка", „кряж, колода" могли стать основой для номинации соответствующих географических объектов. Со слав. *krc* при *křčiti* „корчевать" И. Иордан связывает, например, румынский топоним *Cîrcea, Cîrceni* [Jordan 1963: 23]. Гидроним *Crîcau* (р-н Альба, обл. Хунедоара, Румыния), отождествляемый им с *Karáko* (XIII в.) [Там же: 56], явно родственен названиям типа *Crácă, Crăcăoani*, восходящим, на наш взгляд к рум. *crácă, crăcănă* „ветвь, развилка".

Помимо возможности взаимодействия разнородных славянских форм и их контаминации с близким по звучанию *крачун* „рождество", существует и другой аспект, на который, насколько нам известно, в балканистической литературе не обращалось внимания. Мы имеем в виду крымские топонимы тюркского происхождения типа Карачин (хребет к востоку от Судака), Крача-Богаз (перевал к северу от с. Зеленогорье Судакского р-на), Харачи-Дересин-Сырт (холм близ с. Морское) [Лезина 1988: 155].

Приведенные топонимы связаны с геонимами *карачи, харачин, крач*, известными монголам, казахам, узбекам, туркменам [там же]. В любом случае языковое сознание славян и румын вычленяло в форме *к(а)рачун* формант *кара* как „черный" — ср. укр. (закарп.) *керечун* „вечер" или прозвище „Черный", данное предводителю крестьянского восстания в Трансильвании (1564 г.) Крачуру Георгию. Этому способствовало и распространение тюркского форманта *кара* „черный" в балканской топонимии (ср. Каракуй — букв. „черное селение" — в р-не Леова-Молдова, или старое название с. Негурень в р-не Констанца в Румынии — Каранлык букв. „чернота, темнота", как и его румынский перевод *Negureni* при *négura* „тьма, туман") [Penișoară 1978: 294].

На фоне разноязыких форм, близких по своему звучанию, можно допустить, что град Крачуна на турецкой границе, южнославянские Кричим, Крачушиште и молдавский г. Корочупов Камень — аллогенетические образования. При этом вряд ли целесообразно игнорировать наличие соответствующих тюркских наименований как для упоминаемого славяно-молдавскими летописями града Крачуна, так и для засвидетельствованного украинскими источниками названия Корочин Камень.

Тунгужей

Название *Tungujéi* (н.п. в р-не Негрешть Ясской обл.; ранее *Tunguzéni*) И. Иордан приравнивает к топонимам, образованным от этнонимов и производит, ссылаясь на В. Богрю, от основы *Tongus* „тунгус“ [Jordan 1963: 289], что несколько неожиданно для балканской зоны. Прямых параллелей данный топоним не находит. Все же повод для размышлений имеется, если соотнести его с микротопонимом *Domuz Orman* — название леса и долины в р-не Констанца (Добруджа), которое при тур. *domuz* „свинья“ и *orman* „лес“ означает букв. „Свиной лес“ [Penişoara 1981: 554]. Огузской (османской) форме *домуз* в языках кыпчакской группы соответствует *доңгуз*, *доңуз*.

Район Негрешть относится к территории, на которой бытуют топонимы предположительно печенежского происхождения, в том числе такие, как Васлуй, Вахлуй, содержащие, по мнению Г. Вайганда, куманское *-ui* „река“ или „долина“ [Conea, Donat 1958]. Считается, что турецкий, особенно в своих северо-западных диалектах, сближается с печенежским. Однако хронологические и территориальные изоглоссы в тюркских диалектах балканской зоны исследованы весьма фрагментарно. Переход *u > m* обычно обусловлен последующим губным согласным. Но известны и случаи типа общетюрк. *eçek* -тур. *емгек*, а также *енек* и (диал.) *екс* (ср. и узб. *енгэк*) [Севортян 1974: 284]. Пусть такие примеры единичны, но они отражают возможно некогда намечавшуюся в истовии языков, хотя и не реализовавшуюся тенденцию. Подобного рода исключения из правил должны учитываться при обращении к опомастической лексике наряду с регулярными высокочастотными соответствиями. Поскольку вероятность пребывания тунгусов или даже какой-либо памяти о них в княжестве Молдова ничтожно мала, то мы вправе считать формант *Tunguj-* (*Tunguz-*) диалектным отражением формы *domuz* „свинья“, если не печенежским реликтом. Чередования *d/t* как и соответствие *o-u*, характерны и для тюркоязычной, и для романоязычной среды. Окончание *-ei* при предшествовавшем ему *-eni* по-видимому, есть лишь редуцированная ступень последнего. Это *-eni* широко представлено в румынской топонимии, выражая личную и групповую прина-

длежность к какой-либо этнической или локальной общности. В данном случае *Tunguיעі* < *Tunguz* + *-eni*. Палатализация *-z-* перед *-e-* характерна для молдавских говоров румынского языка.

Можно сослаться и на семантическую аналогию — целый ряд названий, восходящих к *porc* „свинья”, типа *Purcăreni*, *Purcări*, *Purcăreăza*, *Purcilești* [Jordan 1963: 229, 343]; они содержат форму *porcar* (*purcar*) „свинарь” или являются производными от антропонима *Purcel* (вначале как прозвище), отражающего ту же романскую основу. Возможно, с тюрк. *doғuz* „свинья” связано также название с. Токуз (р-н Каушань, Молдова), где соответствие *k-ŋ* может отображать и славянское восприятие тюркского слова.

Литература

- Грекул Ф. А. (Сост.), *Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв.* (Отв. ред. В. И. Буганов), М. 1976.
- Десницкая А. В., *О некоторых вопросах балканистики в связи с изучением карпатского лингвистического ареала*, „Вопросы языкознания” 3, 1976, с. 43–46.
- Десницкая А. В., *О ранних балкано-восточнославянских лексических связях*, „Вопросы языкознания” 2, 1978, с. 49–51.
- Дуйчев И., *Славянски местности и лични имена във византийските описни книги*, „Известия за български език”, Кп. 8, 1962, с. 196–215.
- Лезина И. Н., *К вопросу о стратификации тюркских топонимов Крыма*, *Ономастика: Типология. Стратификация*. (Отв. ред. А. В. Суперанская), М. 1988, с. 144–160.
- Наумов Е. П., *К вопросу о значении термина „Влашия” в хронике так называемого Ансберта*, *Этническая история восточных романцев. Древность и Средние века* (Отв. ред. В. Д. Корольюк), М. 1979, с. 191–203.
- Преображенский А. Г., *Этимологический словарь русского языка*, Т. II, М. 1959.
- Севортян Э. В., *Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные)*, М. 1974.
- Севортян Э. В., *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву „Б”* (Отв. ред. Н. З. Гаджиева).
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров*, Щыш. 13, Л. 1977.
- Словник української мови XIV–XVI ст.*, Т. II, Київ 1977.
- Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка* (Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева), Т. I: М. 1964; Т. 2: М. 1967.
- Alexandrescu-Dersca M. - M., *L'origine du nom de la Dobrudja Contributions onomastiques*, publ. à l'occasion du VI Congrès International des Sciences Onomastiques à Munich du 24 au 28 Août 1958, Bucarest 1958, pp. 97–114.
- Bogrea V., *Pagini istorico-filologice* (Ed. îngrijită de M. Borcilă și I. Marii), Cluj 1971.
- Çabej E., Craciun, „Studii și cercetări lingvistice”, Vol. 13, 1961, N 3, pp. 313–316.

- Çabej E., *Studime gjuhësore*. V.I, Prishtinë 1976.
- Conea I., Donat I., *Contribution à l'étude de la toponime pechénègue-comane de la plaine roumaine du Bas-Danube. Contributions onomastiques...*, Bucarest 1958, pp. 139–169.
- Jordan I., *Toponimia românească*, Bucureşti 1963.
- Kakuk S., *Recherches sur l'histoire de la langue des XVI et XVII siècles: Les éléments osmanlie de la langue hongroise*, Budapest 1973.
- Penişoară I., *Elemente tureşti în toponimia unei zone din judeţul Constanţa „Limba română”*. An. 30. N. & 5. 1981. pp. 551–557.
- Rosetti A., *Istoria limbii române: I. De la origini pîna la începutul secolului al XVII-lea, Ed. definitivă*, Bucureşti 1986.
- Russu I.I., *Elemente autohtone în limba română. Substratul comun româno-albanez*, Bucureşti 1970.
- Schütz J., *Die geografische Terminologie des Serbo-kroatischen*, Berlin 1957.
- Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, Zagreb 1974. Kn. 2.
- Tryjarski E., *Balkan Dialects, Handbuch der Türkischen Sprachwissenschaft* T. I, (Herausg. von G. Hazai), Budapest 1990, pp. 414–453.